

Вечная история Любви

МАРК
КУШНИРОВ

Любовь Орловой
ЖИЗНЬ
КАК КИНО
и Александрова

Эксмо
Москва
2015

УДК 791.44.071(47+57)
ББК 85.374(2)
К96

Оформление *П. Волкова*

Иллюстрация на переплете *С. Яковлева*

Кушников, Марк Аронович.

К96 Любовь Орловой и Александрова. Жизнь как кино / Марк Кушников. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Вечная история любви).

ISBN 978-5-699-79331-0

Любовь Орлова и Григорий Александров прошли вместе светлый путь создания советского мюзикла. Двойной портрет лучезарной звезды и фаворита тоталитаризма на фоне Эпохи и Кино поможет читателю лучше понять, зачем «ее каблучки выстукивали мелодию несбыточного счастья» и почему баловень и фаворит Судьбы искренне повторял: «Все хорошо! Все будет хорошо».

Творчеством была не только работа, но и личная жизнь Чарли и Спенсера, как называла друг друга в интимном общении эта известная миллионам людей «звездная» пара, одновременно очень закрытая даже для близких. О многих ее тайнах, о том, как зажигаются звезды и кому это нужно, рассказывает киновед Марк Кушников.

УДК 791.44.071(47+57)
ББК 85.374(2)

© Кушников М., 2015

© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79331-0

ОТ АВТОРА

Иные впечатления детства — вроде бы из самых пустяковых — остаются в памяти на всю жизнь.

...Дачный поселок, в котором обосновалось наше семейство — где-то на полпути между станцией Внуково и одноименным аэропортом, — по своей заповедности лишь немногим уступал Переделкину, Красной Пахре, Николиной Горе, задолго до войны облюбованным и освоенным столичной интеллигенцией.

Во Внукове жили многие знаменитости, в том числе и те, чьи имена непременно появятся на страницах этой книги: Игорь Ильинский, Леонид Утесов, Виктор Гусев (на будущей улице Виктора Гусева), Василий Лебедев-Кумач (на будущей улице Лебедева-Кумача), Исаак Дунаевский...

Пожалуй, самой выразительной приметой поселка был, да и сейчас остается, овраг — длинный, почти в километр, неглубокий, травянистый. Дачи попеременно с лесом живописно драпируют его пологие склоны. На дне оврага подростки гоняли мяч, играли в лапту. Одно место в первый же послевоенный год было выкошено под волейбольную площадку и только сейчас окончательно заросло травой и кустарником.

Я бежал по тропинке, протоптанной в низине оврага, впереди небольшой дачной компании и вдруг замер: огромная, остромордая, остроухая овчарка трусила мне

навстречу. А за нею легкой походкой шла статная молодая женщина в белом летнем костюме — брюки (!), пиджак, шляпка (помнится, тоже белая). Я узрел доселе не виданное мною сочетание: золотистые волосы и голубые глаза.

Улыбнувшись — зубы так и блеснули, — она не сказала, пропела: «Собака не кусается». Вот и все.

Я очень хотел оглянуться, но постеснялся. Компания скоро меня догнала — я увидел взволнованные лица, услышал возбужденный разговор. Из разговора выяснилось, что встретились нам знаменитая артистка, что зовут ее Любовь Орлова, что лет ей не то сорок, не то далеко за сорок (тут дамы слегка разгорячились, но тем не менее согласно решили, что «выглядит она бесподобно»), что дача ее неподалеку и там, по слухам, есть комната, где показывают кино. Последнее сообщение меня добило. Какой загадочной и заманчивой представилась мне тогда жизнь этой прекрасной женщины!

А на другой день, как нарочно, другая встреча, еще сильнее возбудившая мое воображение.

Далеко от дома, на берегу нашей речушки, я увидел ту же собаку, но уже с мужчиной, с хозяином. Они не спеша приближались ко мне. Разглядев его, я сразу все понял. И как-то даже обрадовался. Жизнь наглядно подтверждала: конечно, у такой женщины мог быть только такой муж — рослый и статный, голубоглазый и приветливый, — лицо, как у короля из детских сказок. (Льдистый холодок в голубых глазах я заметил много позднее.)

Я спросил его про собаку. Он объяснил мне, что это немецкая овчарка. Но сейчас их называют восточноевропейскими, потому что разводят не только в Германии, но и у нас... И голос у него был под стать — негромкий, мягкий, почти задушевный.

Как же хорошо, подумал я, живет им в своем доме, немного похожем на маленький замок (от забора была видна только башенка, часть кирпичной стены и открытая просторная терраса), как улыбочиво и возвы-

шенно все, что их окружает: вещи, цветы, люди. Людей, впрочем, представлял смутно — только аккуратно одетых слуг и старомодно-учтивых гостей.

В жару, наверное, окна затенены шелковыми шторами — двери открыты, и по комнатам гуляют приятные ветерки. В сырую погоду горит камин, хозяева в креслах перед огнем читают книги, беседуют, обращаясь друг к другу как-нибудь по-королевски. Нора дремлет на волчьей шкуре.

...Самое поразительное, что потом, спустя двадцать лет, войдя в этот дом и сблизившись с его обитателями, я обнаружил, что мои простодушные детские фантазии не так уж далеки от реальности. Все было: и цветы, и камин, и продуманное убранство комнат — благородная солидность кабинета, изящество спальни, гостеприимный простор столовой. Дом, до отказа заполненный двумя людьми — и больше никем: их словами, жестами, улыбками, привычками, вкусами. Ничего постороннего, чуждого. Бывали и гости. Их принимали радушно, щедро, порой чуть-чуть церемонно. То были истинно светские приемы (когда дело не касалось уж самых близких), где хозяева светились красотой и счастьем.

Их отношения, нежно-предупредительные, были окрашены некой ритуальностью. 27-го числа каждого месяца отмечался день их знакомства. Отмечался взаимными поздравлениями и цветами. Ни один гость не слышал, чтобы они обращались друг к другу на «ты». Всегда — «вы». И даже в письмах, свойски-нежных, предупредительных, — «Вы». Гости, расходясь, удивлялись: игра? обет? подражание? Или как в Англии: «ты» — только Богу и королю?

— *Тристан*, — сказала *Изольда*, — *вы, кажется, забываете о моей чести.*

— *Нет, прекрасная госпожа, ваша честь всего для меня дороже...*

Старомодная, чуть-чуть показушная церемонность? Да, не без нее. Но было, сдастся мне, еще одно — что-то вроде негласного уговора. Их связывали не только личные отношения — деловые тоже. Они были публичной парой и взаимно хотели выглядеть равноценными персонами — равносуверенными. Такое деликатно-сдержанное обращение друг с другом как бы подчеркивало их обоюдную и равную значимость в глазах окружающих.

Существовала и еще одна форма обращения друг к другу. Он называл ее Чарли, она его — Спенсером. Чарльз Спенсер Чаплин оставался для них обоих кумиром всю жизнь.

А помните слова Чаплина из его автобиографии? «Для того чтобы сделать комедию, мне нужен только парк, полицейский и хорошенькая девушка».

Составляющие успеха Александра были другие, за исключением «девушки». Любовь Орлова стала путеводной звездой творчества Александра и едва ли не самым обаятельным мифом «великой эпохи» — так называли когда-то годы сталинской диктатуры. Я не хотел бы безоглядно растаптывать этот миф.

Моя благодарность судьбе за встречу с голубоглазым королем на берегу нашей дачной речушки памятна и безмерно велика. Григорий Васильевич Александров очень помог мне в написании этой книги. Он и Лев Николаевич Миронов — один из главных спутников и очевидцев жизни Любви Петровны — многое поведали мне о первостатейной звезде советского экрана.

Рассказывая о вещах и важных, и сокровенных, ни один из них ни разу не перебил себя обычным для таких случаев: «Это — не для книги!», «Об этом писать не стоит!», «Это — строго между нами» и т. п. Оба сразу и очень спокойно дали понять, что нисколько не боятся сделать тайное явным, ибо верят в серьезность моих намерений (и в нелегкость задачи) и вполне полагаются на мой такт и чувство меры. Такое доверие дорогого стоит, а оправдал ли я его — судить читателю.

Но правда есть правда: без эпохи — без ее «великих иллюзий», без мифологии сталинщины — Любовь Орлова и Григорий Александров непредставимы, необъяснимы. Вот почему будущая книга изначально виделась мне как двойной портрет на фоне эпохи. Эпохи и Киноматографа.

За всем, что есть в искусстве Любови Орловой и ее мужа — режиссера Григория Александрова, стоит Время, стоит Эпоха.

Эпоха воистину потрясающая. Потрясающая размахом свершений, трудового энтузиазма, размахом душевной прочности и оптимизма, размахом планов и надежд, размахом жертвенности и героизма. Размахом лжи и беззакония. Унижения и униженности.

Орлова и Александров не просто отразили эту эпоху, они сами были одним из самых неотразимых, самых действенных аргументов этой эпохи. Были одним из ее великих достижений — дерзостным вызовом и неповторимым рекордом. И потому стали одной из самых убийственных ее улик.

Орлова и Александров начинали свой путь в театре. Но не сцена стала их предназначением и подлинной творческой радостью. Кино. Чудо двадцатого — а возможно, еще и двадцать первого — века. (За «дальнее» я не ручаюсь.) Они застали это чудо в его рассветные годы. Кино только-только обрело звук и сразу же показало умение звучать ярко, красиво, убедительно, а подчас и умно. Они вошли в мир кино, чтобы подтвердить собою его Красоту и Силу. Его чудотворность. И преуспели в этом, как мало кто...

Но справедливости ради следует добавить, что подтвердили они своей жизнью и нечто менее высокопарное. То обратное, что присуще искусству кино истиннее и нагляднее, нежели другим — «старшим» искусствам: суетность, пошлость, обман (и не только возвышающий), подневольность коммерческой и политической конъюнктуры. И потому я старался не из-

бегать серьезного и по мере возможности нелицеприятно-киноведческого контекста. Без этого фона их портрет был бы также заведомо неотчетлив.

Трудно предположить, что Любовь Петровна и величавый голубоглазый король из детских сказок хорошо сознавали свою миссию. Да и думали ли они о «звездном» призвании вообще? Они истово и любовно делали свое дело — дарили людям смех и бодрость, учили не опускать головы, не вешать носа, любить Родину и ненавидеть ее врагов, внешних и внутренних.

Любовь Орлова была актрисой. Она любила хвалу и в избытке познала ее. Критические стрелы с редкостным постоянством облетали ее стороной. Правда, рикошетом отлетали в нее те камни, что попадали в Александрова, и это больно ранило ее, особенно в последние годы. Но сама она, будучи постоянно на виду, оставалась недосягаема для уколов, укоров, не говоря уж про удары.

Она была достойна хвалы, и вряд ли к лицу биографу — мне ли, другому — желание (пусть даже из самых честных побуждений) пригасить, притушить сияющий ореол ее личности. И если я пребываю в сомнениях, размышлениях, мучительно боюсь впасть ненароком в то славословие, которое стало почти неотрывным и даже где-то естественным, то вовсе не потому, что хочу разрушить светлую легенду об актрисе, отрезать сонм ее бесчисленных поклонниц и поклонников.

Прежде всего я думаю о ней. Она знала свою популярность и дорожила ею. Ей нравилось быть обожаемой, несравненной, единственной, горячо любимой, всемогущей, ослепительной. Но в глубине своего естества она сторонилась, стеснялась этого. Любовь Петровна была слишком умна, воспитанна, интеллигентна (вот-вот!), чтобы принимать все это всерьез. Она прошла хорошую школу жизни и хорошую школу творчества. Орлова была современницей великих актеров, без-

мерно восхищалась ими и, будучи гораздо популярнее многих из них, никогда не посмела бы возомнить себя более талантливой, более великой.

Я помню ее человеком здравым и трезвым, помню, как ядовито процитировала она какую-то слащавую статью, где автор взахлеб расписывал «явление Орловой народу» — как выпархивает она из «Бьюика» и чуть ли не возносится к небу на руках поклонников. Горько поморщившись, она сказала: «Нехорошо... некрасиво. Ах, как нехорошо! Это же все внешнее... пустое. А что за этим стоит!»

А и вправду, что за этим стоит?

Легко догадаться, что имела в виду Любовь Петровна. Адский труд, ангельское терпение, поминутная нервотрепка, усталость до чертиков, тысяча всяких запретов, вечный избыток тяжелой работы и вечная нехватка отдохновения от нее.

Но если б только это! Если бы... Тогда нам осталось бы лишь пожалеть, что Любовь Петровна не вела всерьез дневников (только путевые, да и то нерегулярно), не удосужилась написать воспоминания и была не склонна выносить на люди свои заботы и горести. И потому судить о ее творческом подвижничестве нам чаще приходится с чужих слов, с чужих воспоминаний. Увы, кроме творчески-благодатных, хотя и тяжелых трудов, ее светлый путь сопровождался — когда неприметно, когда явственно — множеством конкретных теней, от которых она далеко не всегда могла с легкостью отмахнуться. (Мы тоже не вправе отмахнуться от них.)

...Снова и снова всматриваюсь я в даль той эпохи. И как-то властно и уверенно этот план застилает неизгладимое впечатление моего детства — уйдешь ли куда от него? Маленькая, хрупкая, почти бесплотная фигурка, в летней широкополой шляпе. На подмосковной дачной тропинке. Под веселой и безалаберной сенью орешника...

ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ

И такое подходит чудесное...

Анна Ахматова

26 октября 1939 года обитатели дома № 16 на площади Челюскинцев — знаменитое место в центре Ярославля — были взбудоражены непривычным зрелищем. Около дома остановилась черная «эмка», из нее в сопровождении двух мужчин, военного и штатского, вышла молодая женщина, весьма изящная и явно нездешнего вида — серое пальто с поясом, серый беретик, — и решительно направилась к одной из дверей. Что-то очень знакомое было в ее улыбке, походке, но никто не решался произнести вслух невероятную догадку: «Неужели это она?!»

...Когда-то, еще в минувшем столетии, площадь, на которой стоял невысокий, в три этажа дом, называлась Плац-парадной. И была она длинной-предлинной — тянулась чуть ли не с километр вдоль Волги. Вполне возможно, что это была самая длинная городская площадь в России.

Трудно жить на площади с таким названием. Поэтому ярославцы говорили просто — Парадная: «Сходи на Парадную», «Был на Парадной»...

Однако в начале двадцатого века площадь сильно видоизменилась. Превратилась из площади скорее в бульвар, благоустроилась. Центром бульвара был памятник

Павлу Демидову, богачу, меценату, сановнику, действительному статскому советнику и кавалеру многих российских орденов — основателю демидовского лицея в городе Ярославле, третьего по значению в России.

Гуляя по бульвару, было принято доходить до его границ, обозначенных двумя церквями: Ильи Пророка, что в центре города, и Успенским собором, что по-над Волгой.

Сейчас уже нет ни памятника, ни лицея, ни Успенского собора. Лицей разбит снарядами во время подавления эсеровского мятежа в 1918 году, Успенский собор и памятник снесены в тридцатые годы. А бульвар остался. Современные ярославцы именуют его Демидовский сад. И оказался он частью все той же площади, получившей в 1936 году имя площадь Челюскинцев.

И остался на этой площади замечательный дом — возможно, один из первых на этом месте. Строился он на рубеже двух веков — восемнадцатого и девятнадцатого. Строился долго, почти десять лет — сначала левый флигель, потом главный дом, потом правый флигель. Строился по заказу городского головы Матвеевского. По тем временам он, наверно, казался грандиозным строением. Как сказано в путеводителях, «характерный пример парадной городской усадьбы в стиле зрелого классицизма».

Именно здесь, в центральном здании, выходящем фасадом на бульвар, поселился в 1910 году уже молодой акцизный чиновник Петр Федорович Орлов. Поселился временно, хотя и надолго: до окончания большого строительства, на котором служил по своей акцизной, то есть финансовой, части.

Был он одинок, но не холост. В Москве у него оставалась семья — жена, две девочки. В семейной жизни Петр Федорович был бы счастлив, если б сумел вовремя побороть в себе слабость к картам. Он играл, проиг-

рывался, вконец подорвал материальное благополучие семьи, чем сильно омрачил супружеские отношения, и, наконец, поняв, как далеко зашел в своей слабости, обещал исправиться и по мере возможности загладить свою вину. Было решено, что Петр Федорович временно удалится из семьи и постарается найти «доходное место». Так появился Ярославль.

Строился мост через Волгу. То была грандиозная стройка — в ряду других грандиозных, что разбудили, разбредили Россию в начале столетия. Как и везде, на этом строительстве наблюдалось много безобразий и злоупотреблений. Петр Федорович, будучи контролером, не раз попадал в щекотливые ситуации, но выходил из них, как видно, всегда достойно — его репутация в глазах начальства, в глазах влиятельных горожан была неизменно высока.

В доме Матвеевского, где впоследствии стали жить его потомки, Орлов занимал формально пять комнат, да еще кухню с передней. Как бы для всей семьи. Но семья жила отдельно, в Москве и в Ратухине (под Ярославлем) — только дочек время от времени ему привозили. Так что обитал отец фактически в двух комнатах. В одной из них, самой светлой и обжитой, пребывали девочки.

...Несколько лет тому назад меня начали доносить звонками представители нынешнего Дворянского собрания: не располагаю ли я какими-то конкретными свидетельствами о высокородном происхождении Любови Орловой? То, что оно высокородное, у них сомнений не было. Причем речь шла не просто о дворянском, а именно о высокородном происхождении — из рода знаменитых братьев Орловых. Все мои уговоры и уверения (разуверения) не действовали, но меня, в конце концов, оставили в покое, как видно убедившись, что никакими подтверждениями я не располагаю.

Дм. Щеглов, ссылаясь на В. Н. Санеева в книге «Любовь и маска», пишет, ничтоже сумняшеся: «Лучшая исполнительница ролей домохозяек и ударниц коммунистического труда (то есть Любовь Орлова. — М.К.) являлась потомком десяти русских православных святых, двое из которых — Великая княгиня Киевская Ольга и Великий князь Киевский Владимир — причислены к лику равноапостольских...» Охо-хо! Знаю, что многим поклонникам и поклонницам Орловой хотелось бы (особенно сегодня, когда дворянское происхождение так модно, так болезненно желанно) видеть ее княгиней или графиней, но чего нет, того нет ! И никогда не было.

Отец Любове Петровны по внешности, по вальяжности, по обиходным привычкам мог бы, наверно, сойти за аристократа, но был он такого же разночинного происхождения, как сотни тысяч других Орловых во всех уголках России. Он был высок и красив — мягкий овал лица, идеально соразмерные черты, голубые глаза. Он неплохо играл на рояле. Имел неплохой голос. Ему доводилось петь в домашних концертах и с Шаляпиным, и с Собиновым.

С Шаляпиным Петр Федорович встречался в основном в Ратухине, куда летом время от времени наезжал к семье. Но и в Ярославле тоже — в том же доме у Матвеевских. Также и с Собиновым. Хозяева дома, видные и богатые горожане, приятельски общались с обоими певцами. А с Леонидом Николаевичем, коренным ярославцем, просто дружили домами. По-свойски принимали его и сами часто навещались в гости. Нередко ходил с ними за компанию и Орлов. И раза два-три брал с собой дочек.

Голосок у будущей звезды уже тогда был приметен. Отец разучивал с нею несложные романсы, потом не без гордости демонстрировал ее успехи гостям.